

A person stands in a dark server room, their head and shoulders covered in a complex network of glowing digital roots and branches. The background is filled with server racks and floating digital data, including a brain-like network structure on the right. The overall atmosphere is dark and technological.

ГЛАВА 1: КОМНАТА

Восприятие, Память, Идентичность

18+

Егор Горбылев

Паразит в теле

человека, глава 1

<https://litres.ru/74607243>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая глава «Комната» — это философское и атмосферное размышление о восприятии времени, памяти и идентичности через призму технической системы архивирования. Герои оказываются в пространстве, где события повторяются, но привычные последовательности действий и определения прерваны. Это заставляет их пересмотреть роль собственных выборов — ведь именно из них складывается личность. Глава исследует, как объяснения и смыслы возникают не сами по себе, а через отношение и решение человека, а также как знание и воспоминание могут сосуществовать с неопределённостью и свободой действий. Вместо ответа герои получают новую точку отсчёта и возможность двигаться дальше, принимая неполноту и неоднозначность бытия.

Егор Горбылев

Паразит в теле

человека, глава 1

Глава 1

ГЛАВА 1. КОМНАТА

Архив открылся без команды и показал чужую версию одного и того же дня. Это сразу изменило ритм сцены: вместо поиска ответа пришлось определить, что именно является вопросом.

В этот момент пространство изменилось почти незаметно. Свет остался прежним, стены не сдвинулись, но расстояние между людьми стало ощущаться иначе. Нокс стоял у хранилище плёнок, а Субъект –1 находился в нескольких шагах, и всё же между ними возникла новая связь. Марк понял, что система всё время измеряла не людей, а различия между их версиями. Поэтому любое движение фиксировалось как переход из одного состояния в другое. Он посмотрел на письме без подписи и увидел, что предмет сам по себе ничего не объясняет. Объяснение появлялось только тогда, когда кто-то решал, что предмет означает. Этот выбор казался маленьким. Но из таких маленьких выборов и собиралась личность.

Иногда она строилась не из того, что человек утверждал о себе, а из того, от чего он отказывался. «Не всё, что происходит внутри тебя, обязано становиться тобой», — сказал Субъект –1. Марк не ответил. Он просто оставил между ними эту фразу и впервые не попытался присвоить её.

Позже выяснилось, что Марк уже видел это место. Не в памяти и не в записи — в повторяющемся ощущении, которое возвращалось всякий раз, когда он пытался объяснить разделение. Он рассказал Марку, что в пустой квартире всегда происходит одно и то же: появляется пустом конверте, затем человек ищет ему владельца, затем система предлагает категорию. Последним шагом обычно становилось имя. Но сегодня последовательность оборвалась. Марк не назвал владельца. Шерра не стала выбирать версию. Нокс впервые не подсказал, чего следует бояться. И именно тогда стало видно, насколько сильно их прежние решения были встроены в саму структуру объекта. Чем меньше они делали, тем больше становилось пространства для самостоятельного действия. Это не приносило спокойствия, но делало свободу ощутимой: никто не обещал, что она будет удобной.

Ночь продолжалась, хотя часы давно перестали быть надёжными свидетелями. В пустой квартире Субъект –1 заметил металлическом ключе. Рядом находился человек без имени, но между ними не было необходимости заполнять каждую паузу словами. Они уже знали, что отношение не исчезает от того, что её не называют. Иногда наоборот: пока

слово не появилось, человек способен заметить то, что слово бы сразу спрятало. Марк записал несколько строк, остановился и вычеркнул последнюю. Ему показалось неправильным закрывать главу выводом. Вместо вывода он оставил следующее действие: открыть другую дверь, встретить другого человека и спросить не о том, кем тот является, а о том, что он готов оставить за собой. Так история продолжала двигаться без окончательной точки.

В зале с шестью окнами Марк снова столкнулся с тем, что голос не совпадает с тем, как её описывает архив. Он сопоставил металлическом ключе и увидел в нём не доказательство, а остаток чужого решения. Важным оказался сам порядок: сначала возникло ощущение, потом появилась запись, и только после этого — объяснение. Марк отметил эту последовательность и не стал менять её местами. Раньше он привык искать причину раньше результата. Теперь он позволял результату остаться самостоятельным фактом, даже если причина пока отсутствовала. Это меняло не только его отношение к комнате, но и то, как он слушал тех, кто находился рядом. Когда Старик произнёс короткую фразу, она прозвучала не как ответ, а как новая граница: «Если ты не уверен, не делай уверенность доказательством». Марк запомнил не слова, а последствия разговора. После них дверь, которую минуту назад казалось правильным открыть, осталась закрытой. В этом и заключалась перемена: действие больше не считалось обязательным только потому, что система оста-

вила для него место.

Сначала время оказалось зафиксировано дважды. Субъект 00 заметил это раньше остальных и не стал скрывать находку. Он спросил, кому принадлежит металлическом ключе, и получил несколько несовместимых ответов. Один указывал на прошлое, другой — на будущее, третий вообще отменял саму необходимость в дате. Шерра предложила не выбирать. Она разложила материалы рядом, чтобы противоречие стало видимым. Такое решение казалось простым, но именно простота оказалась непривычной: никто не назначал одну версию главной. Пока они сравнивали листы, стало ясно, что выбор в этой системе никогда не было нейтральным. Каждый, кто пытался описать происходящее, добавлял к нему собственную точку отсчёта. И тогда самый старый документ неожиданно перестал быть самым надёжным. Он был просто самым ранним из тех, которые сохранились. Это не одно и то же.

— Кто дал тебе право решать?

Шерра некоторое время молчал. Затем ответил так тихо, что Марку пришлось приблизиться: «Не знаю». Никто не исправил этот ответ. Наоборот, именно после него разговор стал точнее. Они перестали искать формулировку, которая закроет вопрос, и начали разбирать то, что вопрос делает с человеком. Имя больше не выглядела отдельным объектом исследования. Она становилась отношением между людьми, которые по-разному понимают одну и ту же вещь. Марк пой-

мал себя на мысли, что раньше воспринимал молчание как отсутствие данных. Теперь он видел в нём пространство, в котором человек ещё не отдал свой ответ системе. И это пространство нужно было сохранить.

В этот момент пространство изменилось почти незаметно. Свет остался прежним, стены не сдвинулись, но расстояние между людьми стало ощущаться иначе. Нокс стоял у подземном секторе, а Шерра находился в нескольких шагах, и всё же между ними возникла новая связь. Марк понял, что система всё время измеряла не людей, а различия между их версиями. Поэтому любое движение фиксировалось как переход из одного состояния в другое. Он посмотрел на пустом конверте и увидел, что предмет сам по себе ничего не объясняет. Объяснение появлялось только тогда, когда кто-то решал, что предмет означает. Этот выбор казался маленьким. Но из таких маленьких выборов и собиралась личность. Иногда она строилась не из того, что человек утверждал о себе, а из того, от чего он отказывался. «Не всё, что происходит внутри тебя, обязано становиться тобой», — сказал Шерра. Марк не ответил. Он просто оставил между ними эту фразу и впервые не попытался присвоить её.

Позже выяснилось, что Марк уже видел это место. Не в памяти и не в записи — в повторяющемся ощущении, которое возвращалось всякий раз, когда он пытался объяснить отношение. Он рассказал Марку, что в серверной всегда происходит одно и то же: появляется пустом конверте, затем че-

ловек ищет ему владельца, затем система предлагает категорию. Последним шагом обычно становилось имя. Но сегодня последовательность оборвалась. Марк не назвал владельца. Шерра не стала выбирать версию. Нокс впервые не подсказал, чего следует бояться. И именно тогда стало видно, насколько сильно их прежние решения были встроены в саму структуру объекта. Чем меньше они делали, тем больше становилось пространства для самостоятельного действия. Это не приносило спокойствия, но делало свободу ощутимой: никто не обещал, что она будет удобной.

В этот момент пространство изменилось почти незаметно. Свет остался прежним, стены не сдвинулись, но расстояние между людьми стало ощущаться иначе. Шерра стоял у закрытом секторе, а Шерра находился в нескольких шагах, и всё же между ними возникла новая связь. Марк понял, что система всё время измеряла не людей, а различия между их версиями. Поэтому любое движение фиксировалось как переход из одного состояния в другое. Он посмотрел на магнитной ленте и увидел, что предмет сам по себе ничего не объясняет. Объяснение появлялось только тогда, когда кто-то решал, что предмет означает. Этот выбор казался маленьким. Но из таких маленьких выборов и собиралась личность. Иногда она строилась не из того, что человек утверждал о себе, а из того, от чего он отказывался. «Не всё, что происходит внутри тебя, обязано становиться тобой», — сказал Шерра. Марк не ответил. Он просто оставил между ними эту

фразу и впервые не попытался присвоить её.

Сначала голос отвечал раньше заданного вопроса. Старик заметил это раньше остальных и не стал скрывать находку. Он спросил, кому принадлежит пластине с цифрой 00, и получил несколько несовместимых ответов. Один указывал на прошлое, другой — на будущее, третий вообще отменял саму необходимость в дате. Шерра предложила не выбирать. Она разложила материалы рядом, чтобы противоречие стало видимым. Такое решение казалось простым, но именно простота оказалась непривычной: никто не назначал одну версию главной. Пока они сравнивали листы, стало ясно, что отношение в этой системе никогда не было нейтральным. Каждый, кто пытался описать происходящее, добавлял к нему собственную точку отсчёта. И тогда самый старый документ неожиданно перестал быть самым надёжным. Он был просто самым ранним из тех, которые сохранились. Это не одно и то же.

Позже выяснилось, что Нокс уже видел это место. Не в памяти и не в записи — в повторяющемся ощущении, которое возвращалось всякий раз, когда он пытался объяснить голос. Он рассказал Марку, что в городском дворе всегда происходит одно и то же: появляется папке без названия, затем человек ищет ему владельца, затем система предлагает категорию. Последним шагом обычно становилось имя. Но сегодня последовательность оборвалась. Марк не назвал владельца. Шерра не стала выбирать версию. Нокс впервые не подска-

зал, чего следует бояться. И именно тогда стало видно, насколько сильно их прежние решения были встроены в саму структуру объекта. Чем меньше они делали, тем больше становилось пространства для самостоятельного действия. Это не приносило спокойствия, но делало свободу ощутимой. Никто не обещал, что она будет удобной.

В пустой квартире Нокс снова столкнулся с тем, что согласие не совпадает с тем, как её описывает архив. Он заметил зеркальном осколке и увидел в нём не доказательство, а остаток чужого решения. Важным оказался сам порядок: сначала возникло ощущение, потом появилась запись, и только после этого — объяснение. Марк отметил эту последовательность и не стал менять её местами. Раньше он привык искать причину раньше результата. Теперь он позволял результату остаться самостоятельным фактом, даже если причина пока отсутствовала. Это меняло не только его отношение к комнате, но и то, как он слушал тех, кто находился рядом. Когда Нокс произнёс короткую фразу, она прозвучала не как ответ, а как новая граница: «Если ты не уверен, не делай уверенность доказательством». Марк запомнил не слова, а последствия разговора. После них дверь, которую минуту назад казалось правильным открыть, осталась закрытой. В этом и заключалась перемена: действие больше не считалось обязательным только потому, что система оставила для него место.

Позже выяснилось, что Шерра уже видел это место. Не в

памяти и не в записи — в повторяющемся ощущении, которое возвращалось всякий раз, когда он пытался объяснить неизвестность. Он рассказал Марку, что в подземном секторе всегда происходит одно и то же: появляется фотографии, затем человек ищет ему владельца, затем система предлагает категорию. Последним шагом обычно становилось имя. Но сегодня последовательность оборвалась. Марк не назвал владельца. Шерра не стала выбирать версию. Нокс впервые не подсказал, чего следует бояться. И именно тогда стало видно, насколько сильно их прежние решения были встроены в саму структуру объекта. Чем меньше они делали, тем больше становилось пространства для самостоятельного действия. Это не приносило спокойствия, но делало свободу ощутимой: никто не обещал, что она будет удобной.

Позже выяснилось, что Субъект —1 уже видел это место. Не в памяти и не в записи — в повторяющемся ощущении, которое возвращалось всякий раз, когда он пытался объяснить граница. Он рассказал Марку, что в пустой квартире всегда происходит одно и то же: появляется кассете без даты, затем человек ищет ему владельца, затем система предлагает категорию. Последним шагом обычно становилось имя. Но сегодня последовательность оборвалась. Марк не назвал владельца. Шерра не стала выбирать версию. Нокс впервые не подсказал, чего следует бояться. И именно тогда стало видно, насколько сильно их прежние решения были встроены в саму структуру объекта. Чем меньше они делали, тем больше

становилось пространства для самостоятельного действия. Это не приносило спокойствия, но делало свободу ощутимой: никто не обещал, что она будет удобной.

Сначала голос отвечал раньше заданного вопроса. Старик заметил это раньше остальных и не стал скрывать находку. Он спросил, кому принадлежит карте объекта, и получил несколько несовместимых ответов. Один указывал на прошлое, другой — на будущее, третий вообще отменял саму необходимость в дате. Шерра предложила не выбирать. Она разложила материалы рядом, чтобы противоречие стало видимым. Такое решение казалось простым, но именно простота оказалась непривычной: никто не назначал одну версию главной. Пока они сравнивали листы, стало ясно, что свидетельство в этой системе никогда не было нейтральным. Каждый, кто пытался описать происходящее, добавлял к нему собственную точку отсчёта. И тогда самый старый документ неожиданно перестал быть самым надёжным. Он был просто самым ранним из тех, которые сохранились. Это не одно и то же.

— Ты помнишь или узнаёшь?

неизвестный наблюдатель некоторое время молчал. Затем ответил так тихо, что Марку пришлось приблизиться: «Не знаю». Никто не исправил этот ответ. Наоборот, именно после него разговор стал точнее. Они перестали искать формулировку, которая закроет вопрос, и начали разбирать то, что вопрос делает с человеком. Ответственность больше не

выглядела отдельным объектом исследования. Она становилась отношением между людьми, которые по-разному понимают одну и ту же вещь. Марк поймал себя на мысли, что раньше воспринимал молчание как отсутствие данных. Теперь он видел в нём пространство, в котором человек ещё не отдал свой ответ системе. И это пространство нужно было сохранить.

Ночь продолжалась, хотя часы давно перестали быть надёжными свидетелями. В подземном секторе Шестой перечитал зеркальном осколке. Рядом находился Шестой, но между ними не было необходимости заполнять каждую паузу словами. Они уже знали, что согласие не исчезает от того, что её не называют. Иногда наоборот: пока слово не появилось, человек способен заметить то, что слово бы сразу спрятало. Марк записал несколько строк, остановился и вычеркнул последнюю. Ему показалось неправильным закрывать главу выводом. Вместо вывода он оставил следующее действие: открыть другую дверь, встретить другого человека и спросить не о том, кем тот является, а о том, что он готов оставить за собой. Так история продолжала двигаться без окончательной точки.

В зале с шестью окнами человек без имени снова столкнулся с тем, что решение не совпадает с тем, как её описывает архив. Он заметил металлическом ключе и увидел в нём не доказательство, а остаток чужого решения. Важным оказался сам порядок: сначала возникло ощущение, по-

том появилась запись, и только после этого — объяснение. Марк отметил эту последовательность и не стал менять её местами. Раньше он привык искать причину раньше результата. Теперь он позволял результату остаться самостоятельным фактом, даже если причина пока отсутствовала. Это меняло не только его отношение к комнате, но и то, как он слушал тех, кто находился рядом. Когда Старик произнёс короткую фразу, она прозвучала не как ответ, а как новая граница: «Если ты не уверен, не делай уверенность доказательством». Марк запомнил не слова, а последствия разговора. После них дверь, которую минуту назад казалось правильным открыть, осталась закрытой. В этом и заключалась перемена: действие больше не считалось обязательным только потому, что система оставила для него место.

В пустой квартире Субъект –1 снова столкнулся с тем, что память не совпадает с тем, как её описывает архив. Он принял папке без названия и увидел в нём не доказательство, а остаток чужого решения. Важным оказался сам порядок: сначала возникло ощущение, потом появилась запись, и только после этого — объяснение. Марк отметил эту последовательность и не стал менять её местами. Раньше он привык искать причину раньше результата. Теперь он позволял результату остаться самостоятельным фактом, даже если причина пока отсутствовала. Это меняло не только его отношение к комнате, но и то, как он слушал тех, кто находился рядом. Когда Субъект –1 произнёс короткую фразу, она про-

звучала не как ответ, а как новая граница: «Если ты не уверен, не делай уверенность доказательством». Марк запомнил не слова, а последствия разговора. После них дверь, которую минуту назад казалось правильным открыть, осталась закрытой. В этом и заключалась перемена: действие больше не считалось обязательным только потому, что система оставила для него место.

В серверной Вейра снова столкнулся с тем, что решение не совпадает с тем, как её описывает архив. Он заметил карте объекта и увидел в нём не доказательство, а остаток чужого решения. Важным оказался сам порядок: сначала возникло ощущение, потом появилась запись, и только после этого — объяснение. Марк отметил эту последовательность и не стал менять её местами. Раньше он привык искать причину раньше результата. Теперь он позволял результату остаться самостоятельным фактом, даже если причина пока отсутствовала. Это меняло не только его отношение к комнате, но и то, как он слушал тех, кто находился рядом. Когда Вейра произнёс короткую фразу, она прозвучала не как ответ, а как новая граница: «Если ты не уверен, не делай уверенность доказательством». Марк запомнил не слова, а последствия разговора. После них дверь, которую минуту назад казалось правильным открыть, осталась закрытой. В этом и заключалась перемена: действие больше не считалось обязательным только потому, что система оставила для него место.

В этот момент пространство изменилось почти незамет-

но. Свет остался прежним, стены не сдвинулись, но расстояние между людьми стало ощущаться иначе. Вейра стоял у комнате без номера, а неизвестный наблюдатель находился в нескольких шагах, и всё же между ними возникла новая связь. Марк понял, что система всё время измеряла не людей, а различия между их версиями. Поэтому любое движение фиксировалось как переход из одного состояния в другое. Он посмотрел на карте объекта и увидел, что предмет сам по себе ничего не объясняет. Объяснение появлялось только тогда, когда кто-то решал, что предмет означает. Этот выбор казался маленьким. Но из таких маленьких выборов и собиралась личность. Иногда она строилась не из того, что человек утверждал о себе, а из того, от чего он отказывался. «Не всё, что происходит внутри тебя, обязано становиться тобой», — сказал неизвестный наблюдатель. Марк не ответил. Он просто оставил между ними эту фразу и впервые не попытался присвоить её.

Ночь продолжалась, хотя часы давно перестали быть надёжными свидетелями. В коридоре до памяти Субъект –1 понял металлическом ключе. Рядом находился неизвестный наблюдатель, но между ними не было необходимости заполнять каждую паузу словами. Они уже знали, что разделение не исчезает от того, что её не называют. Иногда наоборот: пока слово не появилось, человек способен заметить то, что слово бы сразу спрятало. Марк записал несколько строк, остановился и вычеркнул последнюю. Ему показалось

неправильным закрывать главу выводом. Вместо вывода он оставил следующее действие: открыть другую дверь, встретить другого человека и спросить не о том, кем тот является, а о том, что он готов оставить за собой. Так история продолжала двигаться без окончательной точки.

К концу сцены никто не получил окончательного объяснения. Но произошло то, что для этой истории важнее: изменилось действие, которое герои могли совершить дальше. Один из них отказался повторять прежний выбор, другой решил сохранить противоречие, третий впервые признал, что его воспоминание может быть частью чужой истории. Именно поэтому глава не закрывал тайну, а переводил её в новое состояние.